Mor: Fall Prassolow und Tieme

Моръ:

Процессъ Прасолова
и
убійство госпожи Тиме

(Кошмары русской жизни)

Preis 3 Mark
Цѣна 3 М.

Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung
Berlin 1913

Моръ

Процессъ Прасолова
и
убійство госпожи Тиме

(Кошмары русской жизни)

Berlin
Verlag von Heinrich Caspari
1913

6
Copy
2644K
4 Mn68

Druck
der Spamerschen
Buchdruckerei in Leipzig

I.

Опредѣленіе этого процесса сенсаціоннымъ, доказываетъ полнѣйшій упадокъ основныхъ началъ человѣческой нравственности, абсолютнѣйшую атрофію человѣческихъ чертъ.

Нѣтъ, этотъ процессъ не сенсаціонный, а самоубійственный. Самоубійственный потому, что всякій, мало-мальски слѣдившій за нимъ человѣкъ, неминуемо долженъ прійдти къ заключенію, что жизнь въ Россіи свелась до свинного корыта, что тамъ царствуетъ дикая и необузданная вакханалія похоти, грубѣйшаго разврата и скотства.

А отсюда, отъ такого сознанія до самоубійства всего только не шагъ, а полшага.

Въ нѣкоторой части русской прессы процессъ Прасолова пытались во что бы то ни стало объяснить характерными чертами широкой и разгульной жизни въ Москвѣ.

Она, дескать, Бѣлокаменная, всему виной и никто больше.

Слѣпые кроты.

Развѣ въ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ углахъ нашей родины не происходитъ тотъ же безшабашный разгулъ, та же свистопляска, словно, съ цѣпи сорвавшихся саврасовъ?

Развѣ русскія газеты не сообщаютъ ежедневно о гнусныхъ насиліяхъ надъ женщинами и дѣтьми, о сожительствахъ отцовъ съ дочерьми, братьевъ съ сестрами, о дикихъ проявленіяхъ мести за обманутую и опозоренную любовь?

Нѣтъ, дѣло тутъ не въ Москвѣ, а во всемъ строѣ нынѣшней русской жизни.

Безчисленныя самоубійства, самыя жестокія и неслыханныя убійства, гомерическій развратъ, дикое пьянство . . .

Стоитъ подумать обо всемъ этомъ, чтобы мурашки забѣгали по спинѣ.

Процессъ Прасолова — это послѣдній штрихъ огромной, дышащей тлѣнью и жуткими призраками, картины, имя которой: «Вакханалія русской жизни».

Прасолова, убившаго свою жену, какъ, извѣстно, оправдали.

Часть русской прессы въ лицѣ лучшихъ

ея представителей выражала свое недоумѣніе по этому поводу. Нѣкоторые болѣе чуткіе русскіе публицисты даже возмущались и негодовали.

Но какъ же они не поняли, что такъ, именно, и должно было быть.

Прасолова судъ въ Россіи долженъ былъ оправдать.

Этимъ онъ доказалъ, что не понимаетъ всего ужаса, сконцертрированнаго въ процессѣ Прасолова.

И, именно, это непониманье дѣлаетъ картину русской жизни послѣдняго времени, вызвавшей, долженствовавшей вызвать дѣло Прасолова, гармонически-совершенной и законченной.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, мы и разберемъ этотъ замѣчательный процессъ.

II.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этому разбору намъ необходимо коснуться еще другого кошмарнаго явленія русской жизни послѣдняго времени, а, именно, убійства госпожи Тиме, совершеннаго въ Петербургѣ.

Не успѣлъ еще замолкнуть шумъ вокругъ процесса Прасолова (а шумъ этотъ ощущался во всей Россіи), какъ на поверхности русской жизни выплыло во всемъ своемъ кровавомъ ужасѣ убійство госпожи Тиме.

Убійство это, собственно, произошло до процесса Прасолова.

Но послѣ процесса обнаружились убійцы и, узнавъ ихъ, всѣ невольно содрогнулись.

Положительно, было отъ чего окаменѣть. Убійцами оказались два изящныхъ господина, представители петербургскаго высшаго общества, люди, дѣлавшіе блестящую карьеру, —

люди, которыхъ съ почетомъ принимали въ лучшемъ обществѣ.

Одинъ изъ убійцъ занималъ отвѣтственное положеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и завѣдывалъ шифрами.

Конечно, если бы это убійство носило, такъ называемый, романическій характеръ, т. е. было бы совершено на почвѣ отвергнутой любви, ревности и проч., то это было бы по крайней мѣрѣ въ той или иной степени объяснимо.

Но эти мотивы не играли абсолютно никакой роли въ этомъ убійствѣ. Свѣтскими убійцами руководило исключительно жадное корыстолюбіе; ихъ прельщали брилліанты убитой ими жертвы, о которыхъ они слышали.

Это было, такимъ образомъ, самое грубое, самое постыдное и дикое убійство съ цѣлью грабежа.

Деньги, женщины и кровь — таковы главные три элемента русской жизни.

Процессъ Прасолова и убійство Тиме выросли на этой почвѣ, не могли не вырасти.

Гнилая почва порождаетъ гнилыя, разъѣдающія общество, кошмарныя явленія.

Въ послѣднемъ итогѣ, — это симптомы близкаго конца.

Ибо смрадъ и удушье нависли въ воздухѣ россійской жизни.

Стономъ стонетъ порабощенная, окунувшаяся въ тину всяческихъ мерзостей, Россія.

Тучи слишкомъ сгустились, слишкомъ мрачны и тяжелы.

Быть грозѣ.

III.

Процессъ Прасолова происходилъ въ Москвѣ и вся жизнь непосредственныхъ участниковъ этого процесса и лицъ соприкасавшихся съ ними прошла, главнымъ образомъ въ Москвѣ.

Въ широкой, разгульной, привольной Москвѣ.

Въ Москвѣ сытыхъ, довольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся людей.

Оффиціальной столицей Россіи является, какъ извѣстно, Петербургъ, о которомъ, какъ о таковомъ рѣчь будетъ впереди.

Москва же чиновнымъ, тщедушнымъ Петербургомъ презрительно обзывается большой русской деревней, — нескладной, сѣрой провинціей, — грязной, азіатской и пр.

Въ сущности же Москва — и это опять таки общеизвѣстно — финансовая столица Россіи.

По настоящему богата, по настоящему здорова, по настоящему русская, — такова Москва.

Правда, пожалуй, что она нескладно скроена, но зато она крѣпко сшита. Самые крупные россійскіе милліоны сосредоточены въ Москвѣ.

Немудрено поэтому, что наиболѣе обширныя русла, созданныя для того, чтобы по нимъ утекали эти милліоны, сосредоточены также въ Москвѣ.

Что такое всѣ петербургскія увеселенія по сравненія съ московскими?

Жалкія забавы, игры для дѣтей старшаго возраста, постныя меню . . .

Москва издревле любитъ разгулъ, подлинный настоящій разгулъ, — разгулъ во время котораго въ москвичѣ пробуждается его старый предокъ, не вышедшій еще совсѣмъ изъ оболочки варвара.

Что можетъ сравниться съ московскимъ Яромъ, московской Стрѣльной?

Даже по части ресторановъ (а казалось бы, что тутъ ужъ Москвѣ не тягаться съ Петербургомъ) Москва побила рекордъ.

Московскіе «Метрополь», «Большая Мо-

сковская», а паче же «Эрмитажъ» единственны въ своемъ родѣ, въ особенности, послѣдній.

«Яръ» въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сейчасъ, по внѣшности одно изъ импозантнѣйшихъ и красивѣйшихъ зданій во всей Москвѣ.

Это, между прочимъ, означаетъ и во всей Россіи. И нечего скромничать, такого Яра, пожалуй, не сыщешь и во всей западной Европѣ.

Внутреннее устройство Яра не менѣе импозантно, величественно и роскошно. Огромный бѣлый залъ. Мраморныя колонны. Роскошный потолокъ. Изумительная лѣтняя веранда. Бѣлоснѣжныя скатерти на столахъ и совершеннѣйшая сервировка. Море электрическаго свѣта. Предупредительнѣйшая и образцово-дисциплинированная прислуга. Великолѣпнѣйшій и дорогой оркестръ. Прекрасная въ техническомъ отношеніи небольшая сцена. На ней выступаютъ первокласнѣйшіе артистки и артисты кафешантаннаго жанра.

У входа широкая мраморная лѣстница, покрытая мягкимъ пушистымъ ковромъ, ведетъ въ верхній этажъ, гдѣ находятся кабинеты.

Таковъ Яръ въ общихъ чертахъ.

Человѣкъ не посвященный оцѣнитъ здѣсь всю роскошь, все богатство и . . . только.

Онъ не увидитъ здѣсь ничего специфически-русскаго, ничего такого, что давало бы поводъ говорить о какомъ то исключительномъ характерѣ Яра.

Шикарный, первокласный ресторанъ — шантанъ, — скажетъ такой непосвященный человѣкъ.

Ничего больше.

Повсященные же люди, люди, мало-мальски знающіе Москву, скажутъ вамъ о Ярѣ нѣчто гораздо большее.

Ѣхать къ Яру — это значитъ въ Москвѣ окунуться въ волны трепетнаго, широкаго разгула.

Но нынѣшняя Москва не прежняя, не Москва тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Нынѣшній москвичъ и въ разгулѣ обрѣлъ культуру, тонкость, деликатность.

По настоящему повеселиться, покутить, получить удовольствіе у Яра можетъ только такой москвичъ, котораго тамъ знаютъ.

Это чуть ли не одно изъ правилъ хорошаго вкуса и отличныхъ манеръ дорожащаго своей репутаціей москвича.

Такой москвичъ входитъ къ Яру и ужъ у входа его величаютъ по имени-отчеству лихой швейцаръ въ поддевкѣ, его подручные.

Затѣмъ по линіи возвышенія слѣдуютъ младшіе лакеи, старшіе лакеи, метръ д'отель и, наконецъ, самъ управляющій.

Сѣсть у Яра къ столу и потребовать карточку — считается дурнымъ тономъ. Лакей долженъ знать вашъ вкусъ и самъ ужъ долженъ подать вамъ все, что вашему чреву угодно и мило.

Если же онъ и не успѣлъ хорошенько изучить ваши гастрономическіе вкусы, то по правиламъ хорошаго яровскаго тона вы должны весело посмотрѣть въ глаза вытянувшагося передъ вами въ струнку лакея и съ оттѣнкомъ добродушія и довѣрія къ нему сказать: — Приготовь ка мнѣ, милый, чего нибудь такого-этакого поужинать. Ужъ смастери тамъ по хорошему, обмозгуй какъ слѣдуетъ.

— А пить что я буду?

Для начала, конечно, очищенной, а тамъ рябиновки и все по порядку. Только при такомъ вашемъ поведеніи у Яра можете разсчитывать на нѣкоторое уваженіе къ вамъ со стороны прислуги.

Въ противномъ случаѣ васъ будутъ внутренне презирать.

Правила хорошаго тона здѣсь у Яра требуютъ также, чтобы вы истратили здѣсь

возможно больше денегъ, — во всякомъ случаѣ не меньше сотни, — чтобы на чай прислугѣ вы давали щедро, — рублей пятнадцать — двадцать что ли и чтобы, давая на чай, вы не подчеркивали этого обстоятельства, т. е. не говорили бы: — а это возьми себѣ на чай, или нѣчто въ этомъ родѣ, — нѣтъ, вы швыряете на столъ эти деньги и молчите.

Кромѣ того, хорошему гостю вообще не полагается уходить отъ Яра такъ, не солонно хлебавши.

Нѣтъ, поужинавъ внизу, послушавъ снисходительно и равнодушно программу (непремѣнно снисходительно и равнодушно, ибо вы не провинціалъ и не изъ за программы явились сюда), вы должны отправиться наверхъ, предварительно отыскавъ себѣ среди гуляющихъ внизу *этихъ дамъ* даму сердца и тамъ только въ отдѣльномъ кабинетѣ должны дать волю сердцу.

Деньги должны литься у васъ рѣкой. Въ противномъ случаѣ вы съ точки зрѣнія прислуги у Яра вовсе не баринъ, а такъ . . . мелюзга какая то.

Нужно чтобы вы на слѣдующій день послѣ посѣщенія вами Яра самымъ равнодушнымъ

образомъ сообщили вашимъ пріятелямъ: — Вчера, знаете, кутнулъ у Яра. И представьте, дешево обошлось, всего какихъ нибудь пять сотенныхъ.

Другіе же должны говорить о васъ: — Х. зачастилъ къ Яру и держитъ себя молодцомъ. Кутитъ здорово. Здоровую деньгу оставляетъ тамъ.

Только въ этомъ случаѣ вы будете come il faute по московскимъ понятіямъ.

Помните объ этомъ.

Я останавливаюсь на всемъ этомъ вовсе не по прихоти.

Все это неразрывно связано съ темой данной книги, — одно вытекаетъ изъ другого.

Приблизительно въ такомъ же родѣ и Стрѣльна.

Впрочемъ съ той, пожалуй, разницей, что въ Стрѣльну обыкновенно пріѣзжаютъ послѣ Яра и здѣсь хорошій тонъ не только допускаетъ, но даже требуетъ болѣе необузданнаго разгула до битья зеркалъ и мазанія физіономій лакеевъ горчицей включительно.

Здѣсь ужъ водка, вина кажутся святотатствомъ.

Здѣсь пьютъ, преимущественно, шампан-

ское и, конечно, французской марки. Хлопаютъ пробки, пѣнится золотистая влага въ бокалахъ, переливается звонкій женскій смѣхъ и вторитъ ему пьяное гоготанье опьянѣвшихъ саврасовъ въ поддевкахъ или фракахъ,— это не дѣлаетъ разницы.

Нужно сказать еще нѣсколько словъ объ Эрмитажѣ.

Это съ одной стороны ресторанъ, притомъ самый фешенебельный, самый аристократическій ресторанъ, — съ другой стороны домъ свиданій, опять таки самый фешенебельный.

Въ процессѣ Прасолова, который, какъ это вполнѣ естественно, насъ, главнымъ образомъ, и интересуетъ въ данномъ случаѣ — ресторанъ Эрмитажъ не игралъ никакой роли.

Иначе же обстоитъ дѣло съ домомъ свиданіи Эрмитажъ, — онъ игралъ роль въ этомъ дѣлѣ.

Онъ упоминается на одной изъ самыхъ трогательныхъ и болѣе всего волнующихъ насъ страницъ романа четы Прасоловыхъ и мы должны нѣкоторымъ образомъ характеризовать его.

Въ этотъ домъ свиданій ѣздятъ, исключительно, испытанные въ дѣлахъ любви люди, притомъ принадлежащіе къ лучшему обществу.

Тамъ заботятся о томъ, чтобы явившаяся парочка была избавлена отъ нескромныхъ взоровъ.

Къ услугамъ парочекъ, арендующихъ помѣщеніе въ этомъ домѣ всего на одну ночь, а чаще всего на нѣсколько часовъ — имѣются цѣлые аппартаменты, — нерѣдко подобія цѣлыхъ квартиръ.

Тутъ столовая, гдѣ можно поужинать, гостинная, гдѣ предоставляется вести бесѣды о любви и, наконецъ, спальня, альковъ для сладкихъ объятій.

Но это еще не все. Тутъ же имѣются бассейны. Однимъ словомъ, все здѣсь устроено для самой тонкой, самой извращенной любви.

Въ послѣднее время въ бытѣ московскаго веселья къ выше перечисленнымъ учрежденіямъ прибавилось еще одно, правда, довольно скромное, но все же играющее видную роль въ жизни московскихъ жуировъ вообще и сыгравшую видную роль и въ жизни четы Прасоловыхъ.

Это — скетингъ-ринкъ.

Но глубоко заблуждаются всѣ тѣ, кто полагаетъ, что скетингъ-ринкъ знаменуетъ собой всего только появившійся въ Россіи интересъ къ спорту.

Конечно, заграницей скетингъ-ринкъ одно изъ невинѣйшихъ и милыхъ учрежденій, куда, не задумываясь, ходятъ отцы съ дѣтьми, мужья съ женами.

Въ Россіи же ничего подобнаго нѣтъ.

Не успѣлъ скетингъ-ринкъ тамъ появиться, какъ онъ тотчасъ же выродился въ мѣсто свиданій.

Приличной дѣвушкѣ, дамѣ изъ общества туда и показаться нельзя.

Туда приходятъ, главнымъ образомъ, *эти* дамы, женщины легкаго поведенія, женщины торгующія собой, мужчины, ищущіе пикантныхъ развлеченій, любители и любительницы однополой любви.

На скетингъ-ринкѣ, однимъ словомъ, воцарилась такая грязь, что туда и подступиться нельзя порядочному человѣку.

Перефразируя слова Некрасова о русскихъ скетингъ-ринкахъ, можно смѣло сказать, что не въ катаньѣ тамъ сила.

IV.

Такимъ образомъ, я ознакомилъ читателя съ мѣстами, съ которыми такъ или иначе была связана жизнь, кошмарная жизнь четы Прасоловыхъ.

Теперь нужно ознакомить читателя съ лицами, съ которыми соприкасалась въ своей жизни эта чета.

Почти всѣ они фигурировали на судѣ и, такимъ образомъ, служили и продолжаютъ служить объектами общественнаго вниманія.

Вотъ приблизительный перечень ихъ: Рогаткинъ-Ежовъ, Рябушинскій, Шестовъ, Фрумсонъ (она же Анджелло), Окснеръ, Аронсонъ, Ланская, Конджуйцевъ и много другихъ.

Всѣ эти люди принадлежатъ къ той категоріи москвичей, которую важно называютъ toute Moscou, т. е. къ аристократіи Москвы. Словно, по однажды заведенному обычаю, всѣ они или почти всѣ ежевечерне появлялись въ

однихъ и тѣхъ же ресторанахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ.

Весь шикъ московской аристократіи — это быть на виду, такъ, чтобы на нее указывали пальцами.

Имя милліонера Рябушинскаго въ Москвѣ окружено всяческими легендами. Чего только не разсказываютъ о немъ.

Какихъ только колѣнцевъ не выкидывалъ онъ, чтобы создать вокругъ своего имени шумъ, скандальный шумъ.

Положительно, можно сказать, что если бы въ Москвѣ не было живого, подлиннаго Рябушинскаго, Москва должна была бы выдумать такого, — до того онъ типиченъ и характеренъ для современной Москвы.

Для современной Москвы потому, что Москва, хотя по существу своему и осталась такой же, какой была вѣка тому назадъ, внѣшне все же пріобрѣла европейскій лоскъ, европеизировалась, свихнулась на модернизмѣ и декаденщинѣ.

Рябушинскій устраиваетъ для себя виллу «Черный Лебедь», гдѣ создаетъ нѣчто въ высшей степени экзотическое.

Тутъ рѣдкія статуэтки, картины, рѣзьба по дереву, олеографіи, рисунки.

Все это по преимуществу сугубо-эротическаго характера.

Это, далеко, не случайность, что, именно, сюда на эту виллу пріѣзжала Прасолова.

Точно также, какъ не случайность и то, что тотчасъ же послѣ убійства, Прасолова была отвезена въ больницу въ автомобилѣ, принадлежавшемъ Рябушинскому.

Кошмарная судьба этой женщины, бывшей на виду у всей Москвы, психологически должна была бы быть связанной съ именемъ экзотическаго героя, Рябушинскаго.

Недаромъ же самъ Рябушинскій, вызванный въ качествѣ свидѣтеля на судъ Прасолова на вопросъ предсѣдателя, — съ какой цѣлью пріѣзжала къ нему на виллу «Черный Лебедь» покойная, самодовольно отвѣтилъ: — Я думаю, что всѣмъ интересно посмотрѣть мою виллу. Тамъ много диковинныхъ вещей. И, наконецъ, тамъ живу я. Всѣмъ интересно посмотрѣть, какъ я живу.

Вѣдь, съ точки зрѣнія здороваго, нормальнаго, уравновѣшеннаго человѣка такое заявленіе граничитъ съ маніей величія, съ форменнымъ безуміемъ.

Въ Москвѣ же, въ той Москвѣ, въ которой

вращались и жили Прасоловы, Рябушинскій и пр. это очень нормальное явленіе.

Рябушинскій такая же неотъемлемая принадлежность этой Москвы, какъ Яръ, Стрѣльна и пр.

Огромную роль въ жизни покойной Прасоловой игралъ Рогаткинъ-Ежовъ. Это купецъ, владѣлецъ мѣхового магазина. Онъ богатъ и любитъ жить. Единственная его забота — доставлять себѣ удовольствія. Въ погонѣ за ними онъ не останавливается ни передъ чѣмъ.

Достаточно ему увидѣть у себя же въ магазинѣ хорошенькую женщину и почувствовать, что она въ матеріальномъ отношеніи нуждается, чтобы онъ сейчасъ же съ жадностью забросилъ въ нее свои сѣти.

Онъ, видите ли, можетъ купить женщину драгоцѣнными мѣхами.

Бывалъ въ квартирѣ Прасоловой нѣкій нѣмецъ, Окснеръ.

Фигура его такъ каррикатурно и смѣшно вырисовалась на процессѣ, что всѣ невольно должны были почувствовать презрѣніе къ нему.

Это человѣкъ съ мелкой грошовой душонкой.

У него и размаху настоящаго нѣтъ.

У него имѣется какое то прибыльное и вѣрное дѣло (кажется, несгораемые шкафы) и онъ успѣшно ведетъ его.

Но вотъ судьба сталкиваетъ его съ покойной Прасоловой, сталкиваетъ на самой невинной почвѣ.

Покойная хлопочетъ о мѣстѣ въ его конторѣ для сестры своей.

Просьба ея увѣнчалась успѣхомъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось.

Юркій нѣмецъ почуялъ въ красавицѣ Прасоловой жертву и . . . сталъ бывать у нея.

Аронсонъ-адвокатъ, хорошо зарабатываетъ.

Покойная Прасолова плѣнила его настолько, что онъ вздумалъ даже жениться на ней. Конечно, только послѣ того, какъ она разведется съ мужемъ.

А пока онъ начинаетъ содержать ее. Онъ выдаетъ ей триста рублей ежемѣсячно и живетъ у нея въ качествѣ мужа.

Самой характерной фигурой среди вышеперечисленныхъ является кафешантанная артистка, Фрумсонъ, по сценѣ Анджелло, называли ее также королевой брилліантовъ.

Еврейка, рожденная, вѣроятно, въ глухой чертѣ, она въ юныхъ годахъ свихнулась и пошла

по проторенному пути милыхъ, но погибшихъ созданій.

Позже она очутилась на подмосткахъ кафе-шантана. Ловкая, практичная, она съумѣла скопить себѣ деньги, запастись многими брилліантами. Красивой она и въ молодости не была. А позже и тѣмъ паче, но она умѣла нравиться, разжигать.

Она то взяла къ себѣ на содержаніе героя, Прасолова, одѣвала, кормила, поила его.

Возможно, что она искренне привязалась къ смазливому Прасолову, полюбила его.

Но онъ то, конечно, не могъ быть абсолютно вѣренъ ей.

И послѣ одного изъ безчисленныхъ кутежей въ отдѣльномъ кабинетѣ (въ Стрѣльнѣ, конечно) опьянѣвшая Анджелло кричитъ джентельмену, Прасолову:

— Снимай костюмъ, который я тебѣ купила. Ты истратилъ мои тысячи . . .

А обезумѣвшій Прасоловъ бросается на нее съ кулаками.

И честной компаніи съ трудомъ удается разнять ихъ.

Это ль не характерный штрихъ къ картинѣ жизни Прасолова?

Мнѣ кажется, что мы ужъ въ достаточной степени обрисовали внѣшнія детали обстановки жизни Прасоловыхъ.

Теперь мы можемъ перейти къ самой исторіи ихъ жизни.

V.

Ихъ жизнь привела къ судебному обвинительному акту, сущность котораго сводится къ слѣдующему:

9-го октября 1911 года въ началѣ 4-го часа ночи въ «Стрѣльну» пріѣхала З. И. Прасолова и ея сестра М. И. Денницына съ кавалерами — гг. Рогаткинымъ-Ежовымъ и Кисляковымъ.

Невдалекѣ отъ столика, занятаго Прасоловой, оказался мужъ ея — Василій Васильевичъ. Замѣтивъ жену, онъ, не поздоровавшись съ нею, улыбнулся ея сестрѣ — Денницыной и отвѣтилъ издали на привѣсттвіе Рогаткина-Ежова.

Спустя минутъ десять послѣ появленія въ саду ресторана З. И. Прасоловой, мужъ ея, выпивъ двѣ рюмки коньяку, неожиданно направился къ столу своей жены.

Поздоровавшись съ Рогаткинымъ-Ежовымъ, онъ обращаясь къ женѣ, сказалъ: „Зи-

наида Ивановна, потрудитесь немедленно удалиться изъ «Стрѣльны»".

Послѣдовалъ отказъ, и тутъ же раздался выстрѣлъ, причинившій несчастной женщинѣ смертельную рану. Прасоловъ стрѣлялъ изъ револьвера системы «Франкоттъ».

Произвелъ онъ одинъ выстрѣлъ, но на груди Прасоловой оказались три огнестрѣльныхъ отверстія. По мнѣнію экспертовъ, они могли быть причиненной и одной пулей, такъ какъ лѣвая грудная железа покойной могла быть приподнята корсетомъ, лифчикомъ или платьемъ, и, такимъ образомъ, пуля должна была пробить ее насквозь, образовавъ въ ней два отверстія, а затѣмъ, войдя въ грудную клѣтку, образовать третье отверстіе.

VI.

Какова же была жизнь, приведшая къ столь роковому концу?

Жизнь Прасолова рисуется въ слѣдующемъ видѣ со словъ свидѣтеля Евгенія Шестова, мелкаго газетнаго работника, состоявшаго въ дружбѣ съ Прасоловымъ и — къ слову сказать— постаравшагося замѣтно обѣлить личность злополучнаго героя.

Его, Шестова, влекло къ Прасолову, онъ любилъ его за его простоту, за сердечность, душевную мягкость.

Товарищи вмѣстѣ проводили свободное отъ университетскихъ занятій время, бывали въ гостяхъ, иногда играли въ карты, на бильліардѣ, посѣщали рестораны.

У Прасолова всегда бывали деньги, ему давала ихъ нечаявшая въ немъ души мать, получалъ онъ ихъ нерѣдко отъ бабушки и въ средствахъ не стѣснялся.

Въ это время у Прасолова не было серьезныхъ увлеченій, были порою, какъ говоритъ свидѣтель, «спорадическія связи».

Однажды осенью въ 1906 г. Прасоловъ и Шестовъ шли по Долгоруковской улицѣ. Направлялись куда то по дѣлу, по какому то хозяйственному порученію родныхъ.

И вдругъ встрѣча: двѣ дамы, одна изъ нихъ молоденькая и хорошенькая.

Прасоловъ поклонился.

— Это Зиночка Денницына, — сказалъ онъ товарищу, когда они снова продолжали свой путь.

Когда шли обратно, — таже встрѣча, дамы тоже направлялись домой.

Прасоловъ подошелъ, остановился съ дамами, поговорилъ съ ними нѣсколько минутъ. Потомъ догналъ товарища.

— Мы сговорились съ нею пойти въ театръ и послѣ театра она проситъ, чтобы я свезъ ее ужинать къ «Яру».

Прасоловъ былъ возбужденъ.

Какъ разъ тогда онъ переживалъ «періодъ безвременья», сердце его не было занято, а сердце у него было нѣжное и привязчивое, съ женщинами онъ былъ въ высшей степени деликатенъ и корректенъ.

Встрѣча съ Зинаидой Ивановной произвела на него впечатлѣніе, а свидѣтелю показалось страннымъ, что молодая дѣвушка, гимназистка, выражаетъ желаніе послѣ театра ѣхать къ «Яру», и онъ тутъ же высказалъ товарищу свое предположеніе, что по всѣмъ признакамъ эту поѣздку къ «Яру» онъ сможетъ продолжить и закончить вечеръ «Эрмитажемъ».

Прасолова покоробили эти слова, но вернувшись ночью послѣ свиданія съ Зинаидой Ивановной домой, онъ тутъ же сказалъ Шестову, что тотъ оказался пророкомъ.

— Твои предположенія потвердились.

Свидѣтель не сталъ распрашивать о подробностяхъ. Была ночь.

Они заснули.

И съ этихъ поръ Прасоловъ сдѣлался рабомъ Зинаиды Ивановны.

Ея воля сдѣлалась его закономъ . . .

Съ нимъ нельзя было говорить о ея недостаткахъ. Это его мучило и злило.

Я находилъ, что она вѣтренна и ведетъ себя легкомысленно.

Мнѣ говорилъ танцовщикъ Императорскаго балета Семеновъ, что однажды Зинаида Ивановна пришла къ нему въ номеръ и безъ разрѣ-

шенія взяла его фотографію, а когда онъ спросилъ, зачѣмъ она это сдѣлала, послѣдовалъ отвѣтъ: «Вы мнѣ нравитесь, я взяла для памяти.»

Когда Шестовъ говорилъ объ этомъ Прасолову, онъ старался какъ нибудь хорошо объяснить поступокъ З. И., старался обѣлить ее въ глазахъ свидѣтеля.

Бывалъ Шестовъ и въ семьѣ Денницыныхъ, и эта семья также производила на него дурное впечатлѣніе.

Зинаида Ивановна была старшая въ домѣ, но видно было, что она не сознаетъ своего обязывающаго положенія. Ни о какомъ присмотрѣ за младшими не было и рѣчи; дѣти ходили оборванныя, грязныя, не обращалось никакого вниманія и на ихъ духовную жизнь.

Младшіе братья постоянно ссорились, кричали, безобразничали.

А старшая сестра вся отдалась увлеченію Прасоловымъ и была далека отъ семьи.

Въ духовномъ отношеніи она стояла невысоко: ничего не читала, ничѣмъ не интересовалась, была весьма ограничена, съ ней трудно и не о чемъ было говорить.

Родители Прасолова не были къ ней расположены и противились браку. Товарищи, въ

томъ числѣ и свидѣтель, предостерегали его: смотри, братъ, не попадись, еще женишься, чего добраго.

И роковое случилось, онъ сдѣлался женихомъ, онъ закрывалъ глаза на недостатки Зинаиды Ивановны, онъ говорилъ, что она чудный, хорошій человѣкъ, что она любитъ его.

— Про Зинаиду Ивановну ходили слухи, непріятные для репутаціи дѣвушки, — говоритъ свидѣтель и, когда онъ узналъ, что бракъ Прасолова вопросъ ближайшаго будущаго, онъ счелъ себя обязаннымъ серьезно поговорить съ товарищемъ.

Онъ разсказалъ ему объ этихъ случахъ, о томъ, что она будто бы жила съ покойнымъ Тарасовымъ, съ Рогаткинымъ-Ежовымъ.

Онъ говорилъ о духовномъ несоотвѣтствіи Зинаиды Ивановны ея будущему мужу, объ отсутствіи у нея серьезныхъ запросовъ, о ея неразвитіи и т. д.

Этотъ разговоръ рѣшилъ ихъ дружескія отношенія. Прасоловъ и Шестовъ поссорились и растались.

И только недѣли за двѣ до случая съ сѣрной кислотой*) имъ снова пришлось встрѣтиться.

*) Прасолова облила мужа сѣрной кислотой.

Прасоловъ позвонилъ къ Шестову, пріѣхалъ.

— Случилось то, что ты предсказывалъ, — сказалъ онъ.

И повѣдалъ ему свою горькую повѣсть, разсказалъ о своихъ страданіяхъ.

Товарищи снова стали встрѣчаться.

— Зинаиду Ивановну я терпѣть не могъ, — говоритъ свидѣтель, — особенно послѣ случая съ сѣрной кислотой. Иногда она звонила ко мнѣ по телефону, разыскивая Василія, но я просилъ ее оставить меня въ покоѣ, заявляя, что у меня не справочное бюро.

Затѣмъ свидѣтель разсказываетъ о жизни Прасолова въ Ялтѣ послѣ разрыва съ женой. Шестовъ познакомилъ его со своимъ пріятелемъ, артистомъ Смирновымъ. Они сошлись, Смирновъ былъ очень симпатиченъ Прасолову и между ними установились дружескія отношенія.

Прасоловъ говорилъ ему о своей неудачно сложившейся жизни.

Вообще, въ это время онъ со всѣми охотно говорилъ на тему о сердечныхъ страданіяхъ.

Однажды они шли по набережной.

Вдругъ возгласъ.

— Здравствуй, Вася.

Это была Зинаида Ивановна.

Встрѣча эта удручающе подѣйствовала на Прасолова.

— Опять она, опять начнется, — говорилъ онъ Шестову.

И, дѣйствительно, началось.

Ихъ связь возобновилась.

Но не надолго.

Придя какъ то домой, Шестовъ, жившій вмѣстѣ съ Прасоловымъ, нашелъ своего друга въ удрученномъ мрачномъ настроеніи.

Онъ сидѣлъ и писалъ письмо.

— Она измѣнила, она живетъ со Смирновымъ, съ твоимъ другомъ Смирновымъ! — сказалъ онъ Шестову.

— Вотъ телеграмма, она сама дала ее, это телеграмма Смирнова.

Телеграмма состояла изъ нѣжныхъ словъ: «Люблю, дорогая, жажду пріѣхать».

Потомъ въ рукахъ его были и другія телеграммы, въ томъ числѣ — одна, въ которой сообщалось, что Иванъ Карловичъ*) сердится, что онъ перевелъ 250 р. и т. д.

— Все кончено, — говорилъ Прасоловъ.

Онъ вмѣстѣ съ Шестовымъ отнесъ письмо

*) Аронсонъ.

къ женѣ въ гостинницу «Ореадну» и отдалъ швейцару. Жили они въ это время отдѣльно, т. к. Василій Васильевичъ не хотѣлъ огорчать родителей, бывшихъ противъ его сближенія съ женой.

Поведеніе Смирнова его глубоко возмущало, и Шестовъ боялся, какъ бы не вышло изъ этого чего-нибудь очень тяжелаго.

Смирновъ, временно уѣхавшій изъ Ялты, со дня на день долженъ былъ возвратиться съ женой.

Но опасенія Шестова не оправдались. Самъ онъ горячо упрекалъ Смирнова, который опѣшилъ, выслушавъ сообщеніе свидѣтеля.

— Она такъ ухаживала, я былъ одинокъ, — говорилъ модный теноръ Шестову.

Потомъ онъ объяснился съ Прасоловымъ. Они были въ ресторанѣ и много пили. На расвѣтѣ пришли сильно охмелѣвшіе къ свидѣтелю и звали съ собой гулять по берегу моря.

Вернулся Прасоловъ утромъ въ 8 ч.

— Затѣмъ мы встрѣчались съ Прасоловымъ ужъ въ Москвѣ, — продолжаетъ Шестовъ. — Жизнь его здѣсь стала непрерывнымъ разгуломъ. Онъ тосковалъ, боялся одиночества, и я, несмотря на болѣзнь свою, сопровождалъ его всюду.

О скандалѣ въ «Стрѣльнѣ», о бурной ссорѣ Прасолова съ Анджелло, Шестовъ разсказываетъ: — Мы были въ кабинетѣ съ Ланской. Неожиданно явилась Анджелло и, обращаясь къ Прасолову угрожающе заговорила:

— Ахъ, вы здѣсь, и опять съ женщиной.

Появленіе этой женщины меня возмутило.

— Уходите, я самъ съ ней объяснюсь, — предложилъ я присутствующимъ.

Всѣ ушли. Анджелло пыталась послѣдовать за Василіемъ, я ее не пустилъ. У насъ произошла борьба, она бросила въ меня канделябромъ и разсѣкла бровь настолько, что фонтаномъ забила кровь . . . Обезумѣвъ отъ злобы, я отшвырнулъ ее на полъ, и въ истерикѣ она кричала по адресу Василія Богъ знаетъ что . . .

На самый координальный вопросъ прокурора, какъ объясняетъ себѣ свидѣтель тяготѣніе Прасолова къ женѣ своей послѣ всего того, что о ней говорили и слухи о чемъ доходили до него, Шестовъ увѣренно отвѣчаетъ:

— Его влекла къ ней какая-то непреодолимая сила.

Зинаида Ивановна была нужна Прасолову, какъ воздухъ. Безъ нея его мучила постоянная

жажда и хотѣлось пить наслажденіе изъ одной чашей съ этой женщиной. Онъ былъ всецѣло подчиненъ ея чарамъ женщины-самки, ея крѣпкому тѣлу, ея развращеннымъ и ненасытнымъ похотямъ . . .

Въ дальнѣйшемъ своемъ показаніи Шестовъ говорилъ:

— Знаю, что между ними былъ споръ изъ за ребенка. Прасоловъ требовалъ его къ себѣ, Зинаида Ивановна не соглашалась его отдать.

Кромѣ того, Зинаида Ивановна требовала за разводъ 50 тысячъ, угрожая искомъ.

VII.

Всякому ясно и очевидно, что это — само по себѣ — очень продуманное и по своему логичное показаніе свидѣтеля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо объективнымъ и безпристрастнымъ.

Шестовъ явно чернилъ покойную Прасолову и старался обѣлить своего друга, Прасолова. Но даже изъ этого его показанія не многое можетъ служить оправданіемъ Прасолова.

Начать съ того, что Прасоловъ чуть ли не въ первый же день своего знакомства съ тогда еще гимназисткой, Зинаидой Денницыной послѣ театра и, кажется, еще «Яра» отвозитъ ее въ домъ свиданія «Эрмитажъ», который мы выше ужъ характеризовали.

Какимъ нужно быть морально-павшимъ человѣкомъ, сугубо-развращеннымъ и чрезмѣрно опытнымъ въ дѣлахъ любви, чтобы повезти юную дѣвушку, почти подростка, носившую

еще дѣтскія короткія платья въ самый утонченный домъ свиданія.

И въ томъ, что первое паденіе покойной Прасоловой не обошлось безъ горькихъ слезъ ея, безъ глубокихъ страданій и горечи за потерянную чистоту насъ убѣждаютъ не краснорѣчивыя разглагольствованія тѣхъ или иныхъ защитниковъ, а документы, каковыми являются письма покойной.

Недаромъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи ссылается на нихъ.

VIII

Для контраста съ показаніями Шестова, бывшими явно направленными въ пользу убійцы, Прасолова не лишнее возстановить въ общихъ чертахъ обвинительную рѣчь прокурора:

— Я знаю, ваше тѣло болитъ, судьи совѣсти, — началъ рѣчь свою прокуроръ. — Я знаю, десять дней труда въ этомъ залѣ подорвали ваши нервы, но бодръ вашъ духъ, живъ въ васъ этотъ вѣчный огонь безпристрастія живо исканіе правды . . .

И, исполняя то дѣло, на которое вамъ выдало общество довѣренность, вы всю силу своего вниманія приложите къ разгадкѣ смысли этого дѣла.

Оно приковало общественное вниманіе. И не потому, что это оригинальный романъ, не потому, что Прасоловъ для насъ загадка, что многогранна его душа, — нѣтъ, потому, что

много грязной подпочвенной воды ворвалось въ этотъ залъ.

И вы, цѣловавшіе крестъ и евангеліе; вы, повторявшіе святыя слова его, — вы обойдете этотъ потокъ грязи, вы не дадите забрызгать ею вашу совѣсть, вашу житейскую мудрость.

Ложь, какъ первородный грѣхъ, живетъ въ человѣкѣ.

Но въ этотъ залъ прорывается она тремя путями. Одни лгутъ, не сознавая того, другіе — изъ трусости, третьи — изъ привычки . . .

И когда здѣсь длинной фалангой проходили передъ вами представители молодежи новѣйшей формаціи, эти друзья Прасолова, — мнѣ хотѣлось крикнуть:

— Остановитесь . . . Дипломы зрѣлости имѣете вы или почетные билеты въ «Стрѣльну» только . . .

Что принесли съ собой свидѣтели? . .

Они внесли съ собой массу грязи . . .

Бурный потокъ ея въ своемъ стремленіи достигъ ужъ могилы Зинаиды Ивановны.

И спускалась ночь, и садилось солнце и снова всходило, — а я сжималъ въ своихъ рукахъ святой крестъ, я боялся грязи: не прикоснулась бы къ нему.

А когда этотъ бурный потокъ на своемъ пути встрѣчалъ граниты и, ударяясь, разбивался о нихъ, пѣна бурлила ядовито, разбрасывая грязныя брызги . . .

И вашимъ чуткимъ сердцемъ вы отдѣлите правду отъ зла, вы вѣдь не назовете золотомъ смрадъ.

И, желая, поднести вамъ здѣсь всю правду, я начну съ писемъ покойной.

Молодая, гибкая, какъ побѣгъ деревца, Зинаида Ивановна полюбила Прасолова первой любовью . . . И позвольте мнѣ досказать то, чего не досказалъ здѣсь подсудимый:

— Она была невинна. И объясненіе Прасолова о томъ, что она просила посвятить его въ отношенія мужчины и женщины — это лучшее доказательство моего утвержденія . . .

А онъ . . . сорвалъ дѣвичьи цвѣты и . . . растопталъ ихъ.

Вы помните ея письма. Она стремится къ нему всей душой, это былъ первый стукъ ея сердца.

А онъ . . .

Онъ еще до свадьбы цинично раззвонилъ своимъ пріятелямъ о связи съ этой дѣвушкой . . .

Но вотъ онъ женился . . . казалось бы — грѣхъ былъ покрытъ . . .

Не лучшее ли горнило семейная жизнь, которая можетъ освободить отъ всякихъ наносныхъ теченій? . .

А потомъ . . . Родился ребенокъ. Жена души въ немъ не чаетъ.

А подсудимый . . .

Онъ пропадаетъ по ночамъ. Онъ «увлекается» Анджелло.

Онъ говоритъ, что отъ ребенка плохо пахнетъ.

Онъ . . . не пошелъ даже за гробикомъ ребенка, когда тотъ умеръ.

Что же это такое? Гдѣ причина такого поведенія?

Причина — червь разврата, который точилъ Прасолова.

И она, искавшая нравственной поддержки мужа, не выдержала.

Вотъ и вспомните слова ея письма:

«Прощай, мы съ этихъ поръ чужіе.
И если встанутъ предъ тобой
Былого призраки святые —
Зови ихъ бредомъ и мечтой.»

Разобравъ затѣмъ обстоятельства дѣла, указавъ на пристрастіе многихъ свидѣтелей,

обвинитель переходитъ къ заключенію, что Прасоловъ давно замыслилъ убить жену, и лишь выжидалъ удобнаго случая.

И случай этотъ представился.

— Жизнь сдѣлала гримасу и смерть пропѣла свой послѣдній гимнъ, — говорилъ г. Новицкій.

— Когда придете вы домой, — обращается прокуроръ къ прис. засѣдателямъ, — и ваши дочери спросятъ васъ:

„Отецъ, что сдѣлали вы съ этимъ господиномъ?“ — вы скажете имъ:

— Вмѣсто золотыхъ браслетокъ, которыя онъ носилъ, мы надѣли на него желѣзные кандалы. Вмѣсто шелковаго бѣлья и моднаго платья — арестантскій халатъ.

IX.

Прокуроръ обвиняетъ — такъ сказать — по обязанности.

И въ этомъ случаѣ не всякое лыко въ рѣчи прокурора должно быть отнесено въ строку.

Но все же во всемъ, что онъ говорилъ слишкомъ много правды.

Развѣ не писала покойная Зинаида Ивановна Прасолову вскорѣ послѣ ихъ сближенія съ горькой жалобой о томъ, что онъ развратилъ ее, окунулъ ее въ грязь.

Можно съ полной вѣроятностью сказать, что Зинаида Ивановна выросла въ дурныхъ условіяхъ. Объ ея воспитаніи не особенно заботились. Хорошихъ примѣровъ окружающіе ее также не могли ей дать. Мудрено ли, что будучи гимназистой, она ужъ знала о существованіе Яра, о томъ, что существуетъ животное, безсмысленное веселье.

Никакихъ идеальныхъ или попросту хорошихъ стремленій у нея не было. Красивая,

взбаламошенная, съ огромной жаждой веселой и прекрасной жизни, она съ юныхъ лѣтъ сознавала силу своей красоты.

Въ силу того, что ни семейное, ни школьное воспитаніе ей ничего не дало, въ ней очень рано проснулась женщина со всѣми ея качествами и недостатками.

Довѣрчивая, кокетливая, въ мѣру лживая, въ мѣру правдивая, она распустившись, какъ дивный прекрасный цвѣтокъ, ждала судьбу свою.

И она пришла.

Первые шаги ея были связаны съ кошмарами.

Она встрѣтилась съ красивымъ юношей Василіемъ Прасоловымъ.

Онъ ей понравился.

Она находилась въ томъ періодѣ, когда слово нравится отождествляется со словомъ любить.

Пустому, избалованному, вкусившему ужъ прелести веселой жизни юношѣ, Прасолову въ свою очередь чрезвычайно понравилась Зина.

И въ результатѣ — совмѣстная поѣздка въ театръ, оттуда къ Яру, а оттуда въ Эрмитажъ, гдѣ шестнадцатилѣтняя гимназистка отдалась Прасолову.

Нѣжный расцвѣтъ юности прерванъ, смятенъ . . .

Все лучшее, что было въ юной дѣвушкѣ, все прекрасное, лучезарное оборвалось, улетучилось, какъ дымъ.

Она заглянула въ глубокую пропасть жизни и почувствовала боль, жгучую боль раскаянія и стыда.

Но потерянnаго не воротишь.

Связь съ Прасоловымъ продолжалась.

Правда и то, что Зина внезапно выросла, возмужала, обрѣла все сложное искусство женщины.

Прасоловъ привязался къ ней.

Въ результатѣ былъ ихъ бракъ.

Что внесъ съ собой въ бракъ Прасоловъ?

Онъ даже не любилъ свою жену, онъ только жаждалъ ея тѣла.

Онъ посвящалъ ее во всѣ закоулки человѣческой извращенности, методически и систематически развращалъ ее, — заставилъ ее полюбить угарную жизнь, возилъ ее по ресторанамъ, вертепамъ, гдѣ приличную женщину трудно отличить отъ проститутки.

Постепенно онъ подготовлялъ ее къ ея будущей роли.

Впослѣдствіи ему пришлось пожать только то, что онъ же посѣялъ.

А посѣялъ онъ грязь, развратъ, чревоугодіе, страстную жажду лживой, мишурной жизни любовь къ блеску, роскоши, нарядамъ.

Если даже абсолютная правда во всемъ томъ, что показывали объ убитой свидѣтели, вызванные со стороны Прасолова, то и тогда вина многаго падаетъ на Прасолова.

Покойная будто бы явилась однажды домой въ роскошной шубѣ.

На вопросъ мужа, откуда у нея столь дорогая шуба, Зинаида Ивановна отвѣтила, что она взяла ее въ разсрочку платежа у Рогаткина-Ежова и мужъ Прасоловъ мирится съ этимъ объясненіемъ.

Не ясно ли, что онъ отлично зналъ происхожденіи этой шубы у жены своей, но, будучи человѣкомъ абсолютно лишеннымъ чувства морали — мирился съ этимъ.

Въ другой разъ онъ увидѣлъ будто бы у жены роскошныя брилліантовыя серьги. На вопросъ его, откуда у нея эти серьги, жена его разсмѣялась и заявила, что эти серьги отъ Тэта, т. е. поддѣльныя.

Тутъ ужъ ребенку ясно, что всякій мужъ,

не утратившій человѣческаго подобія, дорожащій поведеніемъ своей жены, разъ у него зародилось подозрѣніе относительно появившихся у его жены серегъ, нашелъ бы уже пути узнать правду, т. е. поддѣльные ли то были брилліанты или настоящіе.

Но Прасоловъ не нуждался въ правдѣ, мало того, онъ избѣгалъ ея.

X.

Въ значительной степени вѣрную оцѣнку личности Прасолова сдѣлалъ прис. повѣр. Ледницкій, выступавшій въ данномъ процессѣ со стороны родныхъ убитой Зинаиды Ивановны.

— Прасоловъ долженъ былъ знать, какъ ведетъ себя его жена, для него это не было тайной.

Онъ зналъ даже имена тѣхъ, кто ее совращалъ съ пути добродѣтели и развращалъ, но онъ вмѣсто того, чтобы оказать ей поддержку, мирился съ этимъ.

Зинаида Ивановна безконечно любила своего мужа, потому что безумно его ревновала, а въ немъ сказывались къ ней только одна похоть, только одно половое влеченіе.

Онъ самъ, подсудимый, виноватъ, если долженъ былъ украдками требовать отъ своей жены то, что она ему хотѣла отдать, любя отъ всего сердца.

Упомянувъ затѣмъ о первой поѣздкѣ Прасолова въ Парижъ, въ этотъ центръ міровой культуры и колыбель человѣческой свободы, прис. повѣр. Ледницкій сказалъ:

— Не учиться ѣхалъ онъ туда и не за серьезнымъ дѣломъ, — нѣтъ, изъ пребыванія въ Парижѣ подсудимый вывезъ только опіумъ и развратъ, который привезъ съ собой въ Москву, въ свой домъ. Гдѣ доказательство того, что Прасоловъ любилъ свою жену такъ, какъ она его любила?

Гдѣ его ревность къ ней, это страшное чувство, доводящее людей до изступленія? Этого чувства не было, потому что не было и любви; была только одна страсть.

Прасоловъ — эгоистъ, потому что, не имѣя никакихъ правъ на свою жену, съ которой онъ давно все порвалъ, онъ дерзалъ предъявлять къ ней какія-то требованія.

Что такое Прасоловъ?

Типичный прожигатель жизни, превращающій день въ ночь, и, наоборотъ, посѣтитель всякихъ вертеповъ, игорныхъ притоновъ, трактировъ, человѣкъ, не могущій жить безъ картъ и билліарда.

— Вотъ здѣсь, — продолжалъ прис. повѣр.

Ледницкій, — много говорили о шумной жизни, къ которой привыкла Зинаида Ивановна.

Но самъ мужъ, вѣчно пропадавшій на улицѣ, пріобщилъ свою жену къ этому угарному веселью, въ которое она все больше и больше втягивалась.

Я здѣсь выступаю передъ вами, присяжные засѣдатели, не только отъ имени З. И. Прасоловой, нѣтъ, — я здѣсь и общественный элементъ.

Вотъ здѣсь передъ вами прошла группа блестящихъ тунеядцевъ, вы видѣли богатыхъ и сытыхъ развратителей, которые, разинувъ свои пасти, какъ голодные волки, набрасывались на красивое тѣло Зинаиды Ивановны. Передъ вами выступила воочію вся эта столичная накипь и во всю ширь развернулась ужасная, грязная картина нравовъ современнаго общества, достойную оцѣнку которой дастъ когда нибудь будущій историкъ.

Не менѣе вѣрнымъ является и слѣдующее заключительное слово другого защитника:

— Обвиненіе вообще необходимо: въ качествѣ общественнаго элемента вы дадите соотвѣтствующую оцѣнку тѣхъ фактовъ, которые прошли здѣсь передъ нами.

Вы этимъ приговоромъ скажете, что если физическій убійца Прасоловъ, то духовные виновники его — это тѣ, властные деньгами, которые ухватываются за тѣло красивой женщины, считая себя вполнѣ защищенными силой своего капитала.

XI.

Если затѣмъ и нельзя согласиться со всѣми заявленіями защитника обвиняемаго, Измайлова, то все же можно расписаться подъ слѣдующее его утвержденіе:

— Поэтъ говоритъ, — нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, чѣмъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ.

Но поэтъ отсталъ отъ нашихъ дней. Его повѣсть кажется дѣтской въ сравненіи съ ужасами «повѣсти супруговъ Прасоловыхъ» . . .

Дѣйствительно, болѣе печальную повѣсть и самъ сатана не придумаетъ.

Въ сущности ея разборъ подлежитъ компетенціи не суда, не общества, а врачей, ибо Прасоловъ въ конечномъ итогѣ клиническій типъ.

Нужды нѣтъ, что судебно-медицинская экспертиза признала его здоровымъ.

Есть основаніе предполагать, что измѣны жены нужны были Прасолову, какъ воздухъ — или вѣрнѣе — какъ морфій морфинисту.

Онѣ доставляли ему особое наслажденіе.

Этой его анормальностью въ концѣ концовъ заразилась и жена его, которая пригласила къ себѣ въ домъ любовницу своего мужа, Анджелло и сдружилась съ ней.

Въ области половыхъ наслажденій этими людьми было извѣдано все и на днѣ ихъ разлагавшихся гнилыхъ душъ жила еще жажда самыхъ острыхъ, нечеловѣческихъ ощущеній.

Вся жизнь Прасоловыхъ такъ и просится на страницы трудовъ Крафтъ Эбинга, какъ яркій и убѣдительный примѣръ половой психопатіи.

XII.

Оставимъ на нѣкоторое время процессъ Прасолова и вернемся къ жизни четы Прасоловыхъ.

Легкомысленный, пустой, красивый Прасоловъ встрѣчаетъ шестнадцатилѣтнюю Зинаиду Денницыну, увлекается ею, ѣдетъ съ ней въ театръ, оттуда къ Яру, а оттуда въ домъ свиданій, гдѣ она отдается ему.

Черезъ нѣкоторое время они вступаютъ въ бракъ.

Живутъ они весело, праздно.

Черезъ годъ у нихъ появляется ребенокъ.

Мужъ все чаще и чаще оставляетъ жену съ ребенкомъ, а самъ отправляется веселиться.

Жена знаетъ характеръ этого веселья, — негодуетъ, возмущается, проситъ мужа не оставлять ее одну.

Мужъ не переноситъ такихъ домашнихъ сценъ и отношенія между ними день ото дня становятся все хуже и хуже.

Мужъ бездѣльникъ, не приспособленный къ жизни человѣкъ, а аппетиты къ жизни у него огромные.

Нужны средства и онъ, не задумываясь, беретъ ихъ у кафешантанной дивы, Анджелло, съ которой онъ вступилъ въ связь, — у той самой Анджелло, которая однажды попросила у него дать ей немного денегъ за потерянное ею время бесѣды съ нимъ.

Ея средства, брилліанты — все это покупается извѣстной цѣной.

И Прасоловъ мирится съ этимъ.

Ребенокъ Прасоловыхъ умираетъ и Зинаида Прасолова, убѣдившись въ томъ, что мужа, какъ такового, у нея нѣтъ, начинаетъ въ свою очередь заводить романы.

Тутъ и Рогаткинъ-Ежовъ, Аронсонъ, Окснеръ, Рябушинскій, Тарасовъ и другъ.

Все богатые люди.

Не любовь толкаетъ ее въ объятья всѣхъ этихъ мужчинъ, а привычка къ роскошной и праздной жизни.

Она попросту продается.

Мужъ съ одной стороны, жена съ другой продолжаютъ жить въ одномъ и томъ же кругу.

Красавецъ Прасоловъ въ своемъ паденіи доходитъ до того, что принимаетъ подарки отъ подозрительно расположеннаго къ нему армянина.

Жена мѣняетъ любовниковъ, какъ перчатки, — живетъ одновременно съ нѣсколькими.

И что кошмарнѣе всего, мужъ и жена временами встрѣчаются и между ними на короткіе періоды возобновляются половыя сношенія.

А затѣмъ снова ссоры, разрывъ и каждый идетъ своей дорогой.

Вплоть до злополучной ночи въ Стрѣльнѣ, когда грянулъ выстрѣлъ мужа и жизнь молодой красавицы-жены прервалась.

Знаменательно, что въ ту злополучную ночь мужъ столкнулся съ женой три раза: на Скетингъ-ринкѣ, у Яра (кажется) и въ Стрѣльнѣ.

Оба они, словно, были обречены не выходить за предѣлы заколдованнаго круга.

Одни и тѣ же дорогіе рестораны, кафе-шантаны и мѣста свиданій.

— Въ Москвѣ одной проституткой стало больше, — заявилъ Прасоловъ своимъ прія-

телямъ въ роковую ночь — моя жена пошла по рукамъ.

Но это не было, не могло быть ни неожиданностью, ни тѣмъ паче, трагедіей для него.

Это было дѣло его рукъ.

Онъ готовилъ ее къ этому. Готовилъ съ перваго же дня ихъ встрѣчи, закончившейся въ домѣ свиданій.

Окончательно опустившійся, потерявшій всякое чутье къ основной морали, Прасоловъ внезапно подъ вліяніемъ алкоголя и Богъ вѣсть чего еще, приходитъ въ возбужденное состояніе, неожиданно направляется къ столику, за которымъ сидитъ жена его въ обществѣ ея любовниковъ и требуетъ отъ нея, чтобы она оставила Стрѣльну. Ничего больше.

Это капризъ раффинированнаго самодура.

Вотъ тогда, въ ту минуту его обуяла навязчивая идея, что онъ можетъ сдѣлать такъ, что жена его оставитъ по его полу-приказанію полу-просьбѣ Стрѣльну.

Если бы жена его встала и ушла, никакой катастрофы бы не произошло, выстрѣлъ бы не грянулъ и красавица Прасолова, новая проститутка Москвы, по словамъ ея мужа, продолжала бы пировать въ жизни.

Но наивная красавица возымѣла дерзость отстаивать свои права.

Какое право имѣетъ этотъ бывшій ея развратитель, нынѣ совершенно-чуждый ей человѣкъ, предъявлять къ ней какія бы то ни было требованія.

И она оставалась сидѣть.

Шальная пуля прекратила ея жизнь.

Напрасно обвиненіе на судѣ гласило, что Прасоловъ давно готовился убить свою жену.

Если бы это было такъ, то Прасолова оправдали съ полнымъ правомъ. Ибо тогда нужно было бы признать, что онъ не мирился съ паденіемъ своей жены, ревновалъ ее, мучился.

Тогда нужно было бы признать, что Прасоловъ еще не потерялъ окончательно человѣческаго подобія.

Въ дѣйствительности же, ничего подобнаго не было.

Прасоловъ отлично зналъ о судьбѣ жены своей и находилъ утѣшеніе въ винѣ и женщинахъ.

Тотъ фактъ, что въ карманѣ пальто его находился револьверъ — ничего не доказываетъ.

Такіе господа всегда имѣютъ при себѣ револьверы.

Первая крупная ссора въ ресторанѣ и револьверъ можетъ пригодиться.

Нѣтъ, выстрѣлъ Прасолова былъ случайный, убійство совершенно имъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

И, именно, это усугубляетъ вину его.

XIII.

Судъ, какъ извѣстно, оправдалъ Прасолова и лучшая часть русскаго общества диву далась.

До того это было неожиданно.

Многіе, въ томъ числѣ видные и уважаемые писатели, общественные дѣятели открыто высказывали свое порицаніе этому оправданію.

«Есть почтенные старые люди», пишетъ о процессѣ Прасолова въ одной нѣмецкой распространенной газетѣ нѣмецкій журналистъ, «которые охотно вспоминаютъ свою веселую молодость и которые сами еще также веселы, какъ молодежь. Они относятся одинаково легко, какъ къ жизни, такъ и въ смерти. Они охотно прощаютъ съ тѣмъ, чтобы и ихъ прощали.

Такими почтенными старыми людьми были и присяжные засѣдатели на судѣ Прасолова.

Они плоть отъ плоти, кость отъ кости Прасолова.

Они оправдали его».

Въ этомъ объясненіи оправданія Прасолова ярко сказывается логика западно-европейца.

Развращенные, потерявшіе всякое человѣческое подобіе люди оправдали равнаго себѣ — таково мнѣніе иностранца.

— Дѣло Прасолова,—разсуждаетъ послѣдній, — капля тѣхъ волнъ грязи, которыя все съ большей и большей силой заливаютъ улицы большихъ русскихъ городовъ.

Число публичныхъ домовъ всякаго рода, ночныхъ ресторановъ, элегантныхъ и менѣе элегантныхъ значительно превышаетъ число театровъ, музеевъ, школъ.

Въ этихъ разсужденіяхъ есть крупица правды, но не вся правда.

Вся правда значительно шире, глубже, кошмарнѣе.

Россія послѣ неудачъ героической революціи бросилась въ другую крайность.

Этой крайностью было увлеченіе практической философіей: — лови моментъ.

Всѣ набросились на наслажденія.

Лихорадочную дѣятельность развили шантаны, ночные кабаки, дома свиданій.

Содомъ и гомора воцарились въ русской жизни.

Растлѣнія малолѣтнихъ, кровосмѣсительство, лиги любви — о чемъ только не при-

ходилось читать въ русскихъ газетахъ послѣдняго времени.

Въ духовной жизни успѣхъ выпадалъ на долю всего, такъ или иначе было связанно съ половыми вопросами.

Появилась цѣлая плеяда молодыхъ беллетристовъ, спеціализировавшаяся на самой грубой порнографіи.

Какая то свистопляска похоти, разнузданности.

Кровь, женщины (а для женщинъ мужчины) и деньги.

Таковыми стали главные элементы русской жизни.

И развѣ не характерно, что въ отвѣтъ на жалобы и упреки по этому поводу лучшихъ людей въ Россіи, одинъ изъ прославленныхъ русскихъ беллетристовъ послѣдней формаціи, творецъ современнаго героя, Санина, смотрѣвшаго, какъ извѣстно, плотоядными глазами даже на сестру свою, заявляетъ:

— Всѣ эти газетные толки о паденіи нравовъ мнѣ просто надоѣли.

Человѣчество всегда было, остается и останется однимъ и тѣмъ же по существу.

Современное общество ничуть не развра-

щеннѣе, чѣмъ и сто и тысячу лѣтъ тому назадъ.

То, что теперь въ каждомъ номерѣ газеты мы читаемъ о насиліяхъ, о растлѣніяхъ, о сожительствахъ отцовъ съ дочерьми и т. д. знаменуетъ только развитіе печати, а не развращенность общества.

Этихъ эксцессовъ было и всегда много, только газетъ было меньше и потому меньше телеграммъ о преступленіяхъ.

Когда мнѣ говорятъ о прежней крѣпостной семьѣ, нынѣ якобы разлагающейся, мнѣ смѣшно слушать этотъ вздоръ: въ крѣпостное время, напримѣръ, семья была крѣпка формально, но снохачество процвѣтало такъ, какъ теперь не можетъ процвѣтать, ибо свекоръ крестьянской семьи лишился своего обаянія, своихъ правъ.

Помѣщичья семья не распадалась, не только потому, что жены мирились съ насиліями мужей надъ крѣпостными бабами, и дѣвичья существовала бокъ о бокъ съ патріархальной спальней.

Преступленіе противъ нравственности есть нарушеніе существующей морали и далеко не всегда — развратъ и паденіе.

Если многое, что совершается нынѣ и что есть выпадъ изъ нравственныхъ рамокъ, уста-

новленныхъ нашими отцами, признать грѣхомъ противъ духа вообще, то отчего же и не взойти до морали болѣе отдаленныхъ предковъ.

Тогда оказалось бы, что весь укладъ нашей жизни, всѣ наши понятія о нравственности, все положительно есть преступленіе.

И намъ пришлось бы всѣхъ себя поголовно предать анафемѣ.

Надругательство и клевета по отношенію къ существующему и фарисейско-сентиментальные восторги передъ прошлымъ, есть вѣчная скверная черта человѣческая.

Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, что прошло, то мило, что есть — то гнило, это незыблемые законы человѣческіе. —

Это, именно, заявленіе популярнаго писателя и есть наиболѣе яркое доказательство нынѣшняго паденія нравовъ въ русскомъ обществѣ.

Это паденіе произошло не сразу, а подготовлялось постепенно и упорно.

Россійское правительство, покровительствовавшее въ 1906 году всякаго рода игорнымъ притонамъ, знало, что дѣлаетъ.

Азартъ всосался въ русскую жизнь, какъ чума и захватилъ всѣхъ.

А развратъ плоть отъ плоти азарта.

Все легко достающееся должно быть также легко растрачиваемо.

А все, что можно однимъ, вызываетъ зависть и у другихъ.

Въ погонѣ за женскимъ тѣломъ сошлись аристократъ-сибаритъ, милліонеръ, купецъ, студентъ, рабочій.

Животное пробуждалось въ русскомъ человѣкѣ все съ большей и большей силой.

И вотъ ужъ понесся ревъ этого животнаго по всей Россіи, начиная шикарнымъ Петербургомъ и, кончая захудалымъ уѣзднымъ городишкой.

Рушились общественные идеалы, — испарялась любовь къ правдѣ, — распадался бракъ.

Правительству приходилось только радоваться на плоды своихъ рукъ.

XIV

Въ полную противоположность Арцыбашеву, по словамъ котораго, въ современной Россіи все обстоитъ благополучно и никакого особеннаго распада нѣтъ, мы читаемъ въ одной распространенной русской газетѣ:

— Никогда не было такого громаднаго количества бракоразводящихся. Бракоразводные адвокаты богатѣютъ, а консисторія завалена дѣлами, какъ никогда, по 800—900 дѣлъ, какъ свидѣтельствуетъ старѣйшій членъ консисторіи прот. А. И. Исполатовъ въ н давно напечатанной въ «Пет. Газ.» бесѣдѣ.

Какія причины паденія высокаго по своимъ задачамъ брачнаго института, и есть ли такія мѣры и средства, коими можно было бы остановить прогрессирующій брачный распадъ?

Приводимъ отзывы извѣстныхъ писателей:

А. И. Купринъ.

— Бракъ долженъ быть свободнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Только при условіи такой человѣческой свободы отъ безчисленныхъ условностей и неизбѣжной у насъ «формалистики» даже при заключеніи брака, достаточно характеризующей бездушное отношеніе наше къ брачному институту, только при условіи абсолютной человѣческой свободы и настоящаго уваженія къ браку можетъ быть остановленъ его распадъ.

П. П. Гнѣдичъ.

— Бракъ имѣетъ значеніе только по отношенію дѣтей.

По отношенію жены онъ имѣетъ значеніе только на случай полученіи пенсіи мужа изъ правительственнаго учрежденія, гдѣ онъ служилъ.

Пока не измѣнятся у насъ отношенія къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на родителей воспитаніемъ дѣтей, — до тѣхъ поръ брачность будетъ падать.

Дѣти, у которыхъ на глазахъ родители безобразно прожигаютъ свою жизнь, едва ли

сами въ будущемъ могутъ быть хорошими родителями, то есть устроить свой прочный семейный очагъ.

И брачность, съ каждымъ поколѣніемъ, все больше будетъ падать.

Пока не явится сознаніе о необходимости для государства твердо сплоченной семьи, пока родители не станутъ закладывать въ своихъ дѣтей точныхъ опредѣленныхъ понятій о выполненіи человѣческаго долга, — до тѣхъ поръ ничего хорошаго ожидать нельзя, и брачность все будетъ падать и падать.

Князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ).

— Обиліе несчастныхъ браковъ объясняется тѣмъ плохимъ воспитаніемъ, которое было дано молодому поколѣнію родителями.

Молодымъ только на словахъ (да и то не всегда) внушали, что бракъ — святыня.

Бракъ по расчету противенъ, но бракъ безъ всякаго нравственнаго разсчета, то-есть бракъ легкомысленный, бракъ ради минуты, не менѣе того заслуживаетъ осужденія и осужденъ на распадъ.

Не думаю, чтобы бракъ, основанный на глубокой любви, на взаимной беззавѣтной

дружбѣ, на единствѣ усилій по воспитанію дѣтей и на уваженіи къ домашнему очагу, — могъ почитаться роскошью даже для бѣдняковъ.

Для здороваго и здраваго большинства такой бракъ не роскошь, а сила.

Какія можно принять мѣры къ оздоровленію брака?

Всѣ тѣ, которыя проистекаютъ изъ разумныхъ воспитательныхъ стремленій.

Каждому должно быть внушено воспитаніемъ и примѣрами старшихъ, что бракомъ и освѣщается и осмысливается его жизнь.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Современный бракъ переживаетъ какую то эволюцію, это несомнѣнно. Прежнія формы, установленныя вѣками, становятся тѣсными.

Что этому причиной?

Вы ждете отъ меня неизбѣжнаго отвѣта.

Главнымъ образомъ, измѣненіе соціально-экономическихъ условій жизни. Ну, конечно, это. Съ этимъ спорить нельзя.

Но, кромѣ того, мнѣ кажется, много значитъ въ этомъ та нравственная перемѣна, которая начинаетъ совершаться въ женщинѣ.

Прежній бракъ былъ расчитанъ и установленъ по принципу: «мужъ — повелитель», властелинъ, но и кормилецъ, защитникъ, полубогъ; «жена — подчиненное существо» въ лучшемъ случаѣ предметъ роскоши, въ худшемъ — рабыня.

Теперь женщина выходитъ изъ прежнихъ ролей; ей дали свободу; она больше не раба . . . а мужчина все еще — повелитель, «король безъ королевства» — уже получается абсурдъ.

«Женщина — человѣкъ» нашла свое я, она стремится къ труду, она развиваетъ общественную дѣятельность и отдаетъ себя служенію дѣла, а не одному человѣку; «женщина — раба», почуявъ свободу, тѣшится и издѣвается надъ бывшимъ господиномъ.

То и другое въ корнѣ надрываетъ институтъ брака.

Рухнетъ ли онъ окончательно? Не думаю . . .

Слишкомъ глубоко лежитъ въ душѣ людской желаніе близости къ любимому: «Нелѣпо человѣку быть едину».

Но постепенно бракъ перестаетъ быть соединеніемъ «мужчины и женщины», а станетъ

«союзомъ двухъ людей»; отрѣшившись отъ «животнаго», придетъ къ «человѣческому», и тогда засіяетъ и то божественное, что въ немъ есть.

Ред.-изд. «Гражданина» князь В. П. Мещерскій.

— Вопросъ: «отчего въ наше время такъ мало счастливыхъ браковъ» мнѣ представляется невѣрно поставленнымъ, какъ главный и самостоятельный вопросъ. Онъ есть, какъ жизненное явленіе, только признакъ и послѣдствіе другого, болѣе важнаго и главнаго факта. Фактъ этотъ постепенное и быстрое разрушеніе семьи, какъ силы, объединяющей и воспитывающей главную составную часть и основу общества, и затѣмъ государства.

Что такое счастливый бракъ?

Это — свѣтлые будни семьи.

Когда же семья, благодаря разнымъ причинамъ, разрушается, то счастливые браки, очевидно, могутъ быть только исключеніями.

Счастливый бракъ — роскошь.

Да, но только не это главное, главное, что семья стала роскошью . . .

Оттого жизнь не можетъ дать отвѣта на

вопросъ: какими мѣрами воскресить падающій брачный минитутъ?

Надо ждать лучшихъ временъ, лучшихъ людей, лучшихъ нравовъ, лучшихъ дѣлателей и возстановителей ребенка-подростка, юноши, человѣка, семьи, общества.

XV.

Такимъ образомъ, многія видныя русскія лица подтверждаютъ тотъ фактъ, что нынѣшняя русская жизнь знаменуется распадомъ.

И процесъ Прасолова одно изъ проявленій этого распада.

При гніеніи опредѣленнаго организма, должна въ какой нибудь части даннаго организма развиться опухоль, которая затѣмъ прорываетъ.

Такой прорвавшейся опухолью разлагающагося организма современной русской жизни является все дѣло Прасолова.

И — кто знаетъ — не является ли выстрѣлъ Прасолова предупрежденіемъ застывшему въ маразмѣ русскому обществу, — что если вакханалія безпринципности, разгула и половыхъ излишествъ не прекратится, то русскому обществу въ будущемъ грозятъ еще большіе ужасы.

Нѣкоторые русскіе публицисты, притомъ наиболѣе талантливые, анализируя данное состояніе русскаго общества, сплошь и рядомъ объединяютъ злополучнаго героя — Прасолова, героиню послѣдней пьесы Андреева: «Екатерина Ивановна», убійцъ госпожи Тиме и друг.

Это имѣетъ свои основанія.

Нравственно-изуродованная, искалѣченная до полной потери человѣческаго подобія Екатерина Ивановна (въ пьесѣ Андреева) не могла бы быть выдумана, если бы окружающая насъ русская жизнь не превратилась бы въ благодатную почву для произростаніи такихъ героинь.

И не знаменательно ли, что, именно, въ Москвѣ, гдѣ выросла чета Прасоловыхъ, гдѣ протекла вся ихъ кошмарно-дикая жизнь, гдѣ также, какъ они, живутъ представители и представительницы лучшаго общества (такъ называемаго лучшаго общества), что, именно, тамъ пьесу Андреева освистали, отвергли, какъ гнусный поклепъ на русскую женщину, на русскую жизнь.

Ко всѣмъ порокамъ, въѣвшимся въ современную русскую жизнь, прибавился еще одинъ — фарисейство.

А общество, которое, погрязшее въ тину нечисти всякаго рода, не сознаетъ и не хочетъ сознавать этого — это предѣлъ.

Тутъ неминуемо долженъ послѣдовать кризисъ.

И — кто знаетъ — не ускорилъ ли выстрѣла Прасолова наступленіе его.

XVI.

И едва только мы оставляемъ одинъ кошмаръ, процессъ Прасолова, какъ русская жизнь выдвигаетъ передъ нами другой, не менѣе ужасный, не менѣе чудовищный кошмаръ, каковымъ является не разъ ужъ упоминавшееся выше убійство госпожи Тиме.

Обстоятельства этого убійства въ общихъ чертахъ таковы:

Въ своей роскошной квартирѣ на одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга, на Кирочной однажды утромъ была найдена убитой госпожа Тиме.

Покойная была довольно красивой, была еще сравнительно молодой, что называется женщиной въ соку.

Съ мужемъ она не жила.

Репутація ея не отличалась особенной безупречностью.

Она любила удовольствія, показывалась повсюду, гдѣ показывается обычно петербург-

скій свѣтъ, на бѣгахъ, скачкахъ, въ лучшихъ театрахъ, дорогихъ ресторанахъ, на Скетингъ-ринкѣ.

Она одѣвалась очень шикарно, любила-такъ сказать — показать себя, украшала свои пальцы брилліантами, питала вообще страсть къ драгоцѣнностямъ.

Она была, словомъ, шикарной женщиной изъ общества.

И вдругъ въ одно прекрасное утро ее находятъ убитой.

Изслѣдованіе установило, что она была убита самымъ жестокимъ, варварскимъ образомъ.

Въ первую минуту всѣ были увѣрены въ томъ, что это убійство совершено на романической почвѣ.

Но противорѣчило этому то обстоятельство, что съ пальца убитой Тиме было снято кольцо съ большимъ брилліантомъ.

Это наводило на мысль о томъ, что, кромѣ убійства здѣсь было совершено также и ограбленіе.

Во всякомъ случаѣ убійство это было болѣе, чѣмъ загадочнымъ.

Высказывались всякаго рода предположенія, догадки.

Единственнымъ существеннымъ показаніемъ слѣдствія по поводу этого убійства было показаніе швейцара того дома, въ которомъ жила убитая.

Показаніе это гласило, что въ злополучное утро въ квартиру госпожи Тиме явились два щегольски — одѣтыхъ господина, что они, между прочимъ, бывали у Тиме и раньше, что одинъ изъ нихъ засиживался у нея глубоко за полночь и пр.

Это показаніе снова говорило въ пользу того, что убійство госпожи Тиме совершено, именно, на романической почвѣ и что похищеніе кольца у убитой, вѣроятнѣе, всего ловкій маневръ убійцъ, позаботившихся о томъ, чтобы слѣдствіе по поводу этого убійства было направлено въ ложную сторону.

Газеты изо дня въ день печатали подробности этого убійства, всплывавшія новыя догадки и подозрѣнія.

Попутно съ этимъ разсказывались подробности интимной жизни убитой.

Особенно усердствовала въ этомъ отношеніи одна петербургская газета, строющая свое благополучіе, исключительно, на сенсаціяхъ и скандалахъ.

Сыскная полиція работала, что называется, во всю.

Глава ея, самъ Филипповъ, успѣвшій пріобрѣсть вполнѣ заслуженную славу въ высшей степени дѣльнаго и опытнаго сыщика, отправился въ Москву въ надеждѣ напасть на какіе нибудь слѣды убійцъ.

А время между тѣмъ шло и одно время казалось, что это убійство такъ и останется загадочнымъ, что тайна его не будетъ раскрыта.

И вдругъ случилось чудо.

Убійцы были обнаружены и петербургскому обществу, а вмѣстѣ съ нимъ и всей Россіи пришлось ахнуть отъ удивленія.

Убійцами оказались: А. А. Далматовъ и фонъ-Гейсмаръ, двое молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ высшему свѣту Петербурга, видные аристократы, бывшіе на лучшемъ счету, дѣлавшіе отличную каръеру.

Въ дальнѣйшемъ — и это было особенно ужасно — обнаружилось, что убійство совершено ими не на романической почвѣ, а на самой, что ни на есть прозаической.

Они совершили убійство съ цѣлью грабежа.

Далматовъ былъ молодымъ русскимъ ди-

пломатомъ, одно время жилъ въ Парижѣ, гдѣ состоялъ при посольствѣ.

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ онъ занималъ отвѣтственный постъ и завѣдывалъ шифрами.

Фонъ-Гейсмаръ — баронъ и также причислялъ себя къ дипломатамъ.

Имя Далматова, оказывается, хорошо извѣстно и въ театральныхъ кругахъ.

Года два тому назадъ убійца Тиме принималъ участіе въ спектакляхъ, которые устраивались въ Петербургѣ въ залѣ Павловой такъ называемымъ «великосвѣтскимъ кружкомъ любителей оперетты».

Во главѣ этого кружка стояла дочь сенатора Варварина.

Далматовъ, живя въ Парижѣ, проживалъ огромныя деньги.

У него тамъ было нѣсколько любовницъ.

Одна изъ нихъ артистка Дюлюкъ продолжала переписываться съ нимъ и по его возвращеніи въ Петербургъ.

Баронъ фонъ-Гейсмаръ и Далматовъ жили въ Петербургѣ очень широко и, буквально, ссорили деньгами.

Ихъ принимали въ лучшемъ обществѣ.

Теперь только выясняется, что кромѣ этого лучшаго общества, оба друга вращались и въ средѣ преступниковъ, людей съ подмоченными репутаціями, людей, стоящихъ гораздо ниже ихъ по образованію и воспитанію.

Выясняется, что они дружили съ конструкторомъ одного изъ шикарнѣйшихъ скетингъ-ринковъ Петербурга, убившемъ впослѣдствіи нѣкую Толстинскую, слывущую въ Петербургѣ королевой брилліантовъ.

Выясняется вообще очень многое.

Между прочимъ и то, что Далматовъ, будучи въ Парижѣ, надѣлалъ массу долговъ, прибѣгалъ съ цѣлью раздобыть деньги къ уголовнѣйшимъ пріемамъ и пр.

Оба они, баронъ фонъ-Гейсмаръ и А. Далматовъ не простые, не обыкновенные убійцы и имъ пришлось для выполненія ихъ замысловъ вести очень тонкую игру.

Мысль объ убійствѣ госпожи Тиме зародилась въ нихъ чуть ли не въ первый же день знакомства съ ней, а знакомство состоялось, конечно, на скетингъ-ринкѣ.

Свѣтски-воспитанные, джентельмены съ головы до ногъ, обворожительные въ своей манерѣ обращенія съ людьми, оба они произвели на

искательницу пикантныхъ приключеній, госпожу Тиме самое лучшее впечатлѣніе.

Она была очарована ими и они стали бывать у нея запросто.

Не обошлось, конечно, и безъ игры въ любовь.

Достаточно представить себѣ картину, какъ будущій убійца, обворожительный молодой свѣтскій левъ ласкаетъ свою жертву, нашептываетъ ей слова любви, а самъ въ это время неотступно думаетъ о томъ, какъ онъ убьетъ ее, какъ приступитъ въ выполненію своего адскаго плана, чтобы морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

И если юмористическая писательница Тэффи въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ о томъ, что дама, принимая у себя на дому молодого человѣка, отнынѣ должна думать только о томъ, за сколько онъ способенъ убить ее, то въ этой милой шуткѣ много жестокой правды.

XVII.

Всѣ пути дозволены — стало лозунгомъ русскаго общества.

Погоня за деньгами во что бы то ни стало — единственная дѣятельность, которую нынче способны развить прекрасные молодые люди.

Но не трудомъ, не долголѣтней работой.

Эти способы устарѣли.

Нынче требуется быстрота и натискъ.

Деньги нужны сейчасъ, сію же секунду и чтобы раздобыть ихъ не останавливаются передъ самыми страшными, самыми кошмарными убійствами.

Русское общество за весьма короткое время насквозь прогнило.

Процессъ Прасолова и убійство госпожи Тиме — цвѣты, выросшіе на этой почвѣ.

А гниль русской почвы результатъ долголѣтняго и упорнаго устремленія въ эту сторону россійскаго правительства.

До тѣхъ поръ, пока въ русской политической жизни будутъ господствовать произволъ и грубое издѣвательство, въ повседневной русской жизни не прекратятся ужасы, подобные процессу Прасолова и убійству госпожи Тиме.

Любопытно, что на обоихъ этихъ кошмарахъ процессѣ Прасолова и убійствѣ госпожи фонъ Тиме русская дѣйствительность не остановилась, — она выдвинула тотчасъ же вслѣдъ за ними новый кошмаръ, не менѣе ужасный, а, именно, убійство нѣкоей, Тостинской.

Убійство это не менѣе характерно для переживаемаго нынѣ Россіей момента, чѣмъ первыя два.

Приблизительно та же обстановка. Тотъ же позолоченный пьяный угаръ.

Въ особенности сходно убійство Толстинской съ убійствомъ Тиме.

Марію Толстинскую въ Петербургѣ прозвали королевой брилліантовъ.

Она выросла въ Петербургѣ въ семьѣ богатыхъ купцовъ, родители ея простые люди, безъ всякаго образованія, такъ сказать, сѣрые.

Марія, повидимому, еще съ дѣтскихъ лѣтъ тяготѣла къ веселой жизни. Достаточно сказать, что еще будучи гимназисткой, въ возрастѣ

15—16 лѣтъ она влюбилась въ гастролировавшаго въ какомъ то загороднемъ саду въ Петербургѣ нубійца и бѣжала съ нимъ.

Это и было началомъ ея веселой жизни.

Родители ея, владѣющіе и понынѣ большимъ доходнымъ домомъ въ Петербургѣ, прокляли ее, отреклись отъ нея, нубіецъ куда то исчезъ и Марія Толстинская была, что называется, предоставлена самой себѣ.

Она пошла по проторенному пути и вскорѣ стала торговать своимъ тѣломъ. Молодая, красивая, она быстро завоевывала успѣхъ себѣ и жила припѣваючи, ни въ чемъ не нуждаясь.

Веселое времяпрожденіе, вино, много вина, табакъ, наряды и продажная любовь—таковыми были элементы ея жизни.

Позже, когда при миломъ содѣйствіи петербургской администраціи въ Петербургѣ сталъ процвѣтать бѣшенный азартъ, когда въ немъ развелись, на подобіе вредныхъ насѣкомыхъ, сотни клубовъ для азартныхъ карточныхъ игръ, Марія Толстинская пристрастилась къ игрѣ.

Ее видѣли въ самыхъ низкопробныхъ клубахъ, кишмя кишѣвшими шулерами и клубными арапами.

Самый чистый человѣкъ, попадая въ эти притоны, въ этотъ адъ, передъ которымъ адъ Данте ничто, невольно заражался тамъ грязью и смрадомъ.

Что же можно было ждать отъ порочной юной кокетки, насытившейся съ дѣтскихъ лѣтъ гнилью, каковой была Марія Толстинская?

Деньги давались ей легко, стоило только пойти назовъ перваго мужчины.

Она поэтому также легко проигрывала ихъ, а нужны были новыя деньги, а ей они ужъ нужны были, такъ какъ она насквозь была ужъ заражена азартомъ, она снова продавала себя.

Какой то ужасный по своей безцѣльности, кошмарный по гнили перпетуумъ мобиле.

Но случайные покупатели ея тѣла не могли удовлетворить ея разросшихся аппетитовъ жизни.

Ей нужно было жить шикарно, одѣваться шикарно, носить брилліанты и пр. пр.

Для этого нуженъ былъ болѣе выгодный покупатель, постоянный.

Ей не долго пришлось искать.

Она была достаточно опытна, чтобы не останавливать своего выбора на молодыхъ, — эти не надежны.

Она выбрала себѣ богатаго старичка и важила на славу.

Роскошная квартира, деньги, выѣзды и проч.

Она появлялась на премьерахъ въ фарсахъ, на бѣгахъ и скачкахъ.

Во всѣхъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ клубахъ она свой человѣкъ.

Само собой понятно, что она появлялась также и на скетинкъ-рингѣ, — вѣдь тамъ цвѣтъ петербургскаго общества.

Она была достаточно извращена, чтобы въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ не ограничиваться старичкомъ, дававшимъ ей деньги.

Нѣтъ, она находила себѣ десятки, сотни молодыхъ людей.

Одно время она остановила свой выборъ на негрѣ, ей захотѣлось чего либо экзотическаго, и онъ покорно послѣдовалъ за ней.

Не на радость себѣ, а на несчастье, ибо онъ, молодой, еще почти мальчикъ, не успѣвшій еще окончательно развратиться въ томъ омутѣ столичной жизни, въ которомъ ему приходилось жить, полюбилъ красивую и желанную самку, каковой была Марія Толстинская.

Полюбилъ, а слѣдовательно, и ревновалъ.

А поводовъ къ тому ежедневно, ежечасно были десятки.

Ревность негра, раба, игрушки въ ея хищныхъ рукахъ, — это выводило ее изъ себя и она третировала на каждомъ шагу этого несчастнаго юношу, мучила, истязала.

Долго терпѣлъ сынъ далекой страны, очутившійся въ чуждой ему обстановкѣ русской жизни, но подъ конецъ не выдержалъ и накинулъ себѣ петлю на шею.

Но это Марію Толстинскую ничему не научило.

Она продолжала вести прежній образъ жизни.

Исчезъ, правда, молодой любовникъ, но развѣ такъ трудно ей найти новаго?

На скетинкъ-рингѣ на Марсовомъ полѣ, на самомъ аристократическомъ, а другихъ она не признавала, она обратила свое благосклонное вниманіе на молодого, изящнаго, всегда со вкусомъ одѣтаго конструктора.

Она тотчасъ же обращается къ владѣльцу скетинкъ-ринга и цинично заявляетъ ему:

— Какой у тебя хорошенькій мальчикъ завелся? Она указываетъ на конструктора, Грейчунаса.

— Я его возьму къ себѣ на содержаніе.

Просто и ясно.

Никакой другой логики у нея не существуетъ, никакихъ вопросовъ.

Она возьметъ на содержаніе, — этимъ сказано все.

Грейчунаса, повидимому, недолго пришлось упрашивать и уговаривать.

Еще бы, такая важная барыня выражаетъ желаніе любить его.

Для него, хама и рожденнаго раба, она была барыней.

Такъ началась ихъ связь, приведшая ихъ обоихъ къ роковому концу.

Вавилонское столпотвореніе и грѣхи Содома ничто по сравненію съ тѣми безобразіями и безчинствами, какія учиняются ими въ ихъ домѣ.

У раскрытыхъ оконъ они разгуливаютъ въ чемъ мать родила, — тутъ же передъ окнами, на виду у всѣхъ, а они знаютъ, что на нихъ смотрятъ съ улицы, отдаются другъ другу съ рѣдкимъ нечеловѣческимъ безстыдствомъ.

Въ тѣ часы, когда къ Маріи Толстинской долженъ пріѣхать ея старичокъ, Грейчунасъ скрывается.

Ежевечерне Грейчунасъ заѣзжаетъ за своей повелительницей въ одинъ изъ притоновъ, гдѣ она играетъ въ карты и лото.

Оттуда ѣдутъ къ ней домой. И такъ изо дня въ день.

Черезъ нѣкоторое время Марія Толстинская додумывается до того, что удобнѣе будетъ, если Грейчунасъ поселится у нея!

Этотъ планъ тотчасъ же приводится въ исполненіе.

Но безобразія, чинимыя ими на виду у всѣхъ переходятъ всякіе границы и сосѣдніе жильцы добиваются того, чтобы Грейчунасъ выѣхалъ оттуда.

Это можетъ быть и не удалось бы имъ, но случилось слѣдующее.

Грейчунасъ укралъ у Толстинской ея драгоцѣнности и продалъ ихъ.

Первое время никто не зналъ, кто укралъ и подозрѣніе пало на прислугу Толстинской.

Но полиція вскорѣ напала на слѣдъ кражи и Грейчунасу не оставалось ничего другого, какъ сознаться.

Онъ тотчасъ же былъ арестованъ. Но Толстинская внесла за него соотвѣтственный залогъ и его выпустили до суда.

Этимъ то и воспользовались сосѣдніе жильцы Толстинской и объявили домохозяину, что не могутъ допустить присутствія вора въ домѣ.

Грейчунасу пришлось выѣхать. Толстинская сняла для него комнату и фактически онъ продолжалъ большую часть дня и ночи проводить у нея.

Грейчунасъ по обыкновенію заѣзжаетъ за Толстинской въ клубъ.

Оттуда они ѣдутъ вмѣстѣ къ ней. По дорогѣ Толстинская цинично разсказываетъ ему о томъ, что она познакомилась сегодня съ двумя прекрасными молодыми людьми.

То были Грейсмаръ и Далматовъ.

Она сознается своему другу въ томъ, что охотно бы стала жить съ однимъ изъ нихъ. На этой почвѣ они поссорились между собой.

Но Грейчунасъ, всетаки, пріѣзжаетъ къ ней.

Что произошло въ дальнѣйшемъ между ними остается тайной.

Утромъ Марія Толстинская была найдена задушенной въ своей постели, а Грейчунасъ безслѣдно скрылся.

Черезъ нѣкоторое время Грейчунасъ былъ схваченъ на границѣ.

При немъ были найдены похищенныя имъ драгоцѣнности у убитой.

Его препровождаютъ въ Петербургъ, въ тюрьму и русское общество снова имѣетъ возможность на процессѣ по этому дѣлу купаться въ грязи.

На судѣ выясняются страшные ужасы, вродѣ того, напримѣръ, что Толстинская была больна сифилисомъ, что у нея была дочь, на которую она не обращала никакого вниманія и пр. пр.

За небольшими отклоненіями, какъ видите, много общаго съ процессомъ Прасолова и убійствомъ госпожи Тиме.

Грейчунасъ не московскій баринъ, а всего только крестьянинъ и отдѣлался онъ не такъ дешево, какъ Прасоловъ. Его присудили къ 6 годамъ каторжныхъ работъ.

Гейсмара и Далматова наказаніе еще ждетъ.

Тѣмъ временемъ выясняются новыя преступленія этихъ очаровательныхъ свѣтскихъ молодыхъ людей.

Ими призведенъ, напримѣръ, цѣлый рядъ кражъ у матери фонъ Гейсмара. Они имѣютъ отношеніе къ поддѣлкѣ чековъ въ банкахъ и пр. пр.

Ни одно общественное движеніе послѣднихъ лѣтъ, ни одно литературное явленіе, ни одно театральное представленіе, наконецъ, не интересовали русское общество въ столь сильной степени, какъ эти три убійства. Это ли не симптоматично?

Грабежи, насилія, развратъ — вотъ тѣ кошмары, въ которыхъ русское общество нашло наркозъ и средство забыться отъ удушья нашей современной русской жизни.

Послѣсловіе.

Убійцы госпожи Тиме все еще находятся въ тюрьмѣ. Объ этихъ милыхъ, но погибшихъ молодыхъ людяхъ узнаютъ все большія и большія гадости. Кто знаетъ — не услышимъ ли мы еще о нихъ самыя ужасныя и кошмарныя вещи?

Это дѣло — такъ сказать — въ періодѣ постепеннаго развитія и трудно предсказать исходъ его.

Другое дѣло, процессъ Прасолова.

Возмущеніе и негодованіе по поводу оправданія Прасолова сыграли, очевидно, роль и дѣло Прасолова будетъ пересмотрѣнно.

Газетная хроника пестритъ чуть ли не ежедневно замѣтками по поводу этого.

— Въ кулуарахъ суда, — читаю я въ одной газетѣ, — говорятъ о полученныхъ свѣдѣніяхъ изъ Петербурга, касающихся дѣла Прасолова.

Передаютъ, будто большинство сенаторовъ стоитъ за полную отмѣну производства по этому

дѣлу, начиная съ судебнаго слѣдствія, направленнаго, по мнѣнію сенаторовъ, по ложному пути, что и привело къ затемнѣнію дѣла.

По дѣлу якобы сызнова будетъ произведено предварительное слѣдствіе, причемъ будутъ допрошены новые свидѣтели; отъ допроса многихъ прежнихъ свидѣтелей откажутся.

Въ другой газетѣ я читаю:

Вопреки всѣмъ слухамъ о переносѣ слушанія дѣла въ провинцію, утверждаютъ, что дѣло снова будетъ слушаться именно въ Москвѣ, такъ какъ для достаточнаго уразумѣнія драмы прасоловской семьи находятъ болѣе подходящимъ столичный, нежели провинціальный составъ присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе Россіи еще вернется къ процессу Прасолова.

Въ Россіи все возможно.

Возможно, слѣдовательно, что при вторичномъ разборѣ дѣла Прасолова, Прасолова присудятъ къ самому строгому наказанію.

И это снова будетъ характернымъ явленіемъ для переживаемаго нынѣ Россіей времени.

Въ Россіи при нынѣшнихъ условіяхъ ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ, ни на что нельзя положиться.

Завѣдомыхъ преступниковъ тамъ оставляютъ на свободѣ, совершенно-невинныхъ людей заставляютъ гнить въ тюрьмахъ и казематахъ.

Въ Россіи нѣтъ суда, какъ нѣтъ въ ней истиннаго законодательства.

Жуткая страна, обреченная самой судьбой на то, чтобы тамъ ежедневно, ежечасно рождались дикіе и нелѣпые кошмары, отъ которыхъ стономъ стонетъ все населеніе.

Обращаемъ в[illegible]ующія особенно выдающіяся произведенія.

	Мар.
А. Б., За кулисами охраннаго отдѣленія (A. B., Sittenbilder aus dem Treiben der russischen Geheimpolizei)	7.50
А. Л., „Смертники" (**A. L.,** Die lebendig Toten)	2.50
Арцыбашевъ, „Санинъ" (**Artzybaschew** „Ssanin" II. Aufl.)	6.—
Амфитеатровъ, Господа Обмановы (**Amfiteatrow,** Die Herren Obmanow)	1.—
do. Fortsetzung **Kapitel II**	1.—
do. Schluß . . . **Kapitel III**	1.—
do. Происхожденіе антисемитизма (**Amfiteatrow,** Les origines de l'antisémitisme):	
Часть I. Еврейство и соціализмъ. **I. Teil.** (Judentum und Sozialismus)	2.—
do. Часть II. Еврейство, какъ духъ революціи. **II. Teil.** (Judentum, als Geist der Revolution)	2.—
do. Часть III. Погромъ въ Бѣлостокѣ. **III. Teil.** (Der Pogrom von Bialostok)	2.—
Анекдоты русскаго двора (Anekdoten vom russischen Hofe) . .	1.—
Брутъ, „Адмиралъ Чагинъ"	6.—
Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй I/II. (**Bilbassow,** Katharina II. I/II)	25.—
Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи (Charte constitutionnelle de l'empire de Russie)	4.20
Разсказы, анекдоты, сказки изъ русскаго двора (Erzählungen vom russischen Hofe)	1.20
Флеровскій, Три политич. системы (**Flerowsky,** Drei politische Systeme)	6.—
Горькій, М., Три разсказа (**Gorki, M.,** Drei verbotene Erzählungen)	1.—
— Революц. пѣсни и баллады (—Revolutionäre Gedichte u. Balladen).	1.—
Катенинъ, Очерки русскихъ политическихъ теченій (**Katenin,** Russische politische Strömungen)	2.—
Колосовъ, Смерть Плеве и Сергѣя (**Kollossoff,** Plehwes u. Sergius'Tod)	1.—
— Его Превосходительство (— Serenissimus)	3.—
Краевскій, „Голодъ Сердца" (**Krajewsky,** Herzenshunger)	3.—
Ларинъ, „Любовныя интриги при русскомъ Дворѣ"	2.—
Лядовъ, Идеалисты русской революціи, Первые шаги. (**Ladoff,** Die Idealisten der russischen Revolution, Die ersten Schritte) . . .	1.20
Лядовъ, Идеалисты русской революціи, Смѣлый выступъ (**Ladoff,** Die Idealisten der russischen Revolution, Ein kühner Vorsprung) .	1.20
Матеріалы по біографіи (Matériaux, pour la biographie) II (Zarin Anna), III (Elisabeth Petr.), IV (Peter III.), VII (Katharina), VIII (Paul I.), IX (Alexander I.), X (Nikolaus I.), XI (Alexander II.), XII (Alexander III.) XIII (Nikolaus II.)	Каждый томъ 2.—
Моръ, „Процессъ Прасолова и убійство г-жи Тимме"	3.—
К. С. Мережковскій, Рай земной (**Mereschkowsky,** Irdisches Paradies)	6.—
Оскальдъ, „Райскіе цвѣты на землѣ" (**Oskald,** Blumen aus dem Paradiese)	3.—
Пажъ, Наша царица (**Pasch,** Unsere Zarin)	6.—
Реусъ, Дни великаго суда германск. соціалъ-демократіи (**Reus,** Dresd. Parteitag)	1.80
Народныя русскія легенды (Russische Legenden)	10.—
Шараповъ, О русско-финскомъ примиреніи (**Scharapoff,** Ueber die russisch-finnische Versöhnung)	1.—
Современникъ, „Николай II" Разоблаченія (**Sowremennik,** . . . Enthüllungen über Nikolaus II). II. umgearbeit. u. durchgesehene Aufl.	6.—
Сукенниковъ, „Петербургская Гниль"	6.—
Спасовичъ, Семь судебныхъ рѣчей (**Spasowicz,** 7 Plaidoyers) . . .	5.—
Толстой, Крестьянская революція (**Tolstoi,** Bauernrevolten)	2.—
— Законъ насилія и законъ любви — — (Das Gesetz der Gewalt und das Gesetz der Liebe)	3.—
— Крейцерова Соната (Kreutzer-Sonate)	1.50
— Исповѣдь — — (Ma confession)	1.—
Чудовъ, „Навожденіе" (**Tschudow,** Teufels-Blendwerk, Roman) . .	6.—
Валь, Мэтресса министра Ст... (**Wall,** Die Maitresse des Ministers St.)	6.—
Вертеръ, Очерки изъ русск. революц. (**Werther,** Russ. Revolutionsbilder)	1.—
Путеводитель по Берлину (Führer durch Berlin)	3.—
Путеводитель по Западной Европѣ (Führer durch West-Europa) .	5.—